

Дионис безумствующий: о связи насилия и безумия.

Научный руководитель – Афонасина Анна Сергеевна

Ермоленко Ева Дмитриевна

Студент (бакалавр)

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,

Новосибирск, Россия

E-mail: e.ermolenko1@g.nsu.ru

Дионис имеет множество имён, каждое из которых определяет отдельное воплощение греческого божества. Дионис-Загрей, часто отождествляемый с Аидом, указывает на его принадлежность к подземному царству [Кереньи, 2007, с. 70]. Имя Иакх раскрывает его связь с огнём и светом [Кереньи, 2007, с. 65]. Эти и другие имена говорят о многослойности культа Диониса и многозадачности бога. Мы в своей работе обращаем внимание на ещё одно из его качеств - безумство, которое, в посвящённых греческому богу мистериях, достигается переживанием насилия. Насилие устанавливает мистериальную связь между палачом, жертвой и наблюдателем. Неистовство рождает безумие таинства для свершения полного слияния божественного и человеческого. Осмысление отношения безумия и насилия на примере дионисийства с использованием терминологии Жоржа Батая - это попытка углубиться в проблему природы этих феноменов, найти истоки человеческого стремления к ним.

Дионисийское насилие - насилие сакральное, говоря языком Батая. На это указывает его неутилитарность. Действительно, ритуальные практики культа не направлены на удовлетворение первичных потребностей и скорее наоборот умаляют их. (Евгений Торчинов в подтверждение этой мысли доказывает в своей работе «Опыт запредельного» отсутствие связи между мистериями и обрядами плодородия [Торчинов, 2022, с. 206]). Безумие, как предельная точка ритуала, случается вопреки человеческому. «Жертвенный обряд стремится уничтожить в жертве вещь — и только вещь», - так происходит отождествление человека с жертвой, перевоплощение одного субъекта в другого: человека в животного [Батай, 2006, с. 69]. Да, зверь здесь является именно субъектом, ведь он - олицетворение Диониса. Таким образом происходит познание имманентной природы зверя. Человек перестаёт принадлежать себе, теперь он в руках бога.

Что мы понимаем под безумием? Безумие - буквально, потеря ума как единицы, то есть растворение Я во множестве. Непрерывающийся процесс деиндивидуации и есть дионисийское безумие. Батай фактически отождествляет насилие, безумие и смерть, поскольку они уничтожают границы: смерть - между частным и общим («в качестве акта смерть есть размыкание индивидуального бытия во всеобщее» [Зыгмонт, 2018, 212]); насилие - между профанным и сакральным; безумие - между Я и не-Я. В области мистерий смерть в первую очередь является предвестником рождения. Смерть Диониса преодолевается последующим возрождением, Загрей - Иакхом и так далее. Безумствующие вакханки, растерзывая животных, умерщвляя их, совершают ритуал зачатия Бога. Так, в постоянной непрерывности, реализуется цикл смерти-рождения, что подтверждает мысль Батая: «В мире имманентности смерть - ничто» [Батай, 2006, с. 70]. Сакральное насилие решает проблему замкнутости человека в самом себе. Трагедия человека заключается в том, что он никогда не способен быть понятым и понять другого до конца, отсюда возникает стремление к экстазу, как выходу из тюрьмы разума. Это стремление осуществляется в жестоком акте - заклании жертвы. Во время действия внимание наблюдающего направлено в первую очередь на другого: стоящего рядом, палача, жертву как соучастника, таким

образом создавая сообщество. Это также отвергает мысль об исключительно утилитарном предназначении ритуала.

Выходя в область профанного, человек находится в пространстве взаимодействия с вещами. Здесь совершать насилие субъекта над субъектом противостоит моральным нормам (а их преодоление, по мнению Ницше, является неотъемлемой частью дионисийства), и для этого необходимо овеществить субъект, вывести зверя из его имманентности, иными словами совершить процесс объективации. Овеществление объекта насилия является попыткой избавления от насилия и, следовательно, безумия, поскольку появление различий между мной и другим является признаком отчётливости и ясности [Батай, 2006, с. 62]. Миф - попытка осмыслить насилие и сделать его источником волю богов. В области профанного побег от насилия осуществляется через объективацию мира, ведь признание в том, что ты убиваешь равного себе субъекта, может повергнуть в безумие.

Экстатическое безумие дионисийских мистерий делает насилие ритуальным, благодаря чему, оно становится самоценным. Ритуал, связанный с насилием, создаёт условия для переживания субъектом трансперсонального опыта, осуществляемого посредством отождествления себя с жертвой. Человек стремится к насилию, но отрицает в себе это ставшее запретным желание. Поэтому оно может реализовываться только в области сакрального, как независимое от человека. В области профанного насилие оправдывается уничтожением субъектности Другого. Так, цитируя Батая: «Скотобойня заменяет собой религию» [Зыгмонт, 2018, с. 99]. (Работа выполнена при поддержке РФФ № 22-18-00025.)

Источники и литература

- 1) Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. - М.: Ладомир, 2006. – 742 с;
- 2) Зыгмонт А. Святая негативность. Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 320 с;
- 3) Кереньи К. Дионис: прообраз неиссякаемой жизни. М.: Изд-во: Ладомир, 2007. – 319 с;
- 4) Торчинов Е. Опыт запредельного: религии мира. Спб.: Азбука-классика, 2022. – 576 с.